

ДУХОВНЫЙ ФОН РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Д. В. Куницкий

*Институт философии Национальная академия наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, 220131, г. Минск, Беларусь, stremlenie-humall@yandex.ru*

В статье рассматривается значимость духовного фона всякого глубокого художественного произведения, а особенно имеющего отношение к метафизике и изображению исторической эпохи, ярким примером которого является роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В герменевтике романа обнаруживается несколько уровней глубины, предельным из которых является богословский. В его свете мета-роман пилатовых глав оказывается не только ложным «евангелием от сатаны», но и органично вписанным в основной роман, отражая оккультные установки самого писателя. Последний сливается с собственным персонажем и предлагает читателю прелестно-привлекательный образ инфернальных сил.

Ключевые слова: литературная герменевтика, М. А. Булгаков; духовный фон эпохи; авторская духовная предустановка; оккультная мистика; прелесть.

THE SPIRITUAL BACKGROUND OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA”

D. V. Kunitsky

The Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova str., 220131, Minsk, Belarus, stremlenie-humall@yandex.ru

The article examines the importance of the spiritual background of any deep artistic work, and especially those related to metaphysics and the depiction of a historical epoch, a striking example of which is the novel “The Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov. The hermeneutics of the novel reveals several levels of depth, the ultimate of which is the theological one. In his light, Pilate's meta-novel turns out to be not only a false “gospel of Satan”, but also organically inscribed into the main novel, reflecting the occult attitudes of the writer himself. The latter merges with his own character and offers the reader a charmingly attractive image of infernal forces.

Keywords: literary hermeneutics; M. A. Bulgakov; the spiritual background of the epoch; the author's spiritual preset; occult mysticism; charm.

Общепризнанной несомненностью является загадочность романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и необходимость его духовно-философской расшифровки. Значимость данной расшифровки выхо-

дит далеко за пределы художественно-словесной эстетики, академического литературоведения и раскрытия биографии автора: в данном романе отражается не только эпоха Булгакова и даже вечные вопросы человечества, но и вызовы перед тысячелетней Русью и сугубо — настоящего дня, когда история оживает у нас на глазах.

Зеркалом эпохи, длящейся по сей день, роман «Мастер и Маргарита» можно назвать с важными оговорками: это не плоское (как в соцреализме) и даже не сферическое, но проникающее вглубь и одновременно имеющее фокус не вне себя, а в себе. Духовную сущность постреволюционной эпохи России раскрывает не только содержание романа, но и сам роман вместе с его автором. Именно поэтому особенно необходимо углубление в духовный фон создания произведения.

Можно сказать, что сформировалась целая традиция герменевтики романа «Мастер и Маргарита» при различии подходов к ней. Подход христианской философии призван выделяться среди них помещением в центр мысленной тяжести церковного (святоотеческого) взгляда. К сожалению, не только в западной, но и в отечественной гуманитарной среде (у научно-философской, художественной, публицистической интеллигенции) такой взгляд пользуется априорным недоверием — вплоть до лишения его статуса научного, философского, творческого: требуется хоть какое-то отступление от ортодоксии, хоть доля своеволия и непокорства. И однако же, в конечном счете, именно такой взгляд и основанный на нем подход и ведет к истине, ибо исходит из нее (а не из своего *cogito*, *perceptio* и любого другого субъективного начала).

При анализе философского и художественного произведения в классической европейской традиции принято было направляться к выявлению того смысла, который в него вложил автор произведения, изливая в нем свою душу. По мере все большего ухода западной цивилизации от некогда своих христианских корней (от которых оторвалась уже сама классическая католическая культура) в сторону нынешнего постмодерна в ней нарастало отрицание сущностной личности автора, самой его души, вплоть до доктрины «смерти Автора», которая направляла на главную ницшеанскую идею всей эпохи Модерна «смерти Бога». В таком случае всякий автор превращался из источника в то самое зеркало смысла, при этом преимущественно лишенное понимания лучей, которые ему доводится отражать и преломлять, и осознания собственной вторичности.

Православное Христианство преодолевает ловушку этих двух альтернатив, между которыми колеблется европейский ум. Несомненно, всякая личность суть живая душа и творчески рождает смысл, требующий своего понимания читателем, однако личность эта не существует в

«безвоздушном пространстве», являясь самодостаточной и безотчетной: она существует в духовном мире по законам, установленным Богом, свободна выбирать между духовными источниками, к которыми обращается, и послушание которым предопределяет путь ее слова, между светом и тьмой, между подлинной свободой и порабощенностью, между, соответственно, осознанностью и неосознанностью предпосылок собственного же творчества.

Отсюда постижение духовного фона этого творчества и его плодов требует не только раскрытия духовной атмосферы создания произведения, но и духовного состояния самого автора. От чего будет зависеть и та сложность и глубина, на которые необходимо опускаться для понимания подлинной сущности авторских образов и идей.

У прочтения романа «Мастер и Маргарита» существует несколько уровней, при этом на каждом последующем в глубину уровне оказывается значительно меньше читателей и истолкователей. И к этому необходимо относиться серьезно, ибо этого не мог не понимать и сам Михаил Булгаков. Наиболее массовый, особенно молодой читатель, прочитывает данное произведение как приключенческую сказку, в которой дисциплинированная реальность строящегося рационалистического социализма смешивается с неожиданной мистикой, казалось бы, до гротеска чуждой данной эпохе. Такая легкомысленность, однако, никак не отменяет восприятия массовым читателем представленных в романе образов, в том числе жизненно определяющих, библейских.

На втором, углубленном, уровне восприятия находится читатель, знакомый с библейским контекстом произведения Булгакова и идентифицирующий его замысел как своего рода аллюзию на евангельские мотивы. Вместе с тем общий характер восприятия этой аллюзии сводится к умозаключению о том, что Михаил Булгаков творчески пересказывает евангельские события и перекликает их с событиями современной ему Москвы на исходе эпохи НЭПа, которую по-хозяйски посетил сатана, глумясь над падшей столицей мирового Православия.

Более глубокий, третий уровень восприятия романа уже требовал определенной степени духовно-умственной причастности к самому Христианству. Это видение раскрывает бывший дьякон Андрей Кураев в своем литературно-критическом произведении «Мастер и Маргарита: За Христа или против?» [1]. Следует здесь добавить, однако, что ему был знаком и более глубокий уровень прочтения романа, в частности, профессор Московской духовной академии Михаилом Дунаевым [2], которому он даже оппонирует с некоторым вызовом.

В своем труде А. Кураев верно определяет сущность пилатовских глав романа как не просто кощунства в свете Христианства, но как лож-

ное евангелие — «Евангелие от Воланда» или «Евангелие от сатаны». Он последовательно разбирает образ Иешуа Га-Ноцри как художественный суррогат Христа, клевету на подлинного Богочеловека. Также Андрей Кураев достаточно живописно описывает всевозможные духовные изъязнения Мастера и Маргариты. Впрочем, разоблачения были сделаны задолго до него.

Сквозь красивые умозрительные подробности стройного выведения на свет демонической сущности Мастера и Маргариты и их совместного с Воландом романа Андрей Кураев настойчиво продвигает мысль о том, что сам Михаил Булгаков в этой истории выступает светлым персонажем, изобличающим сатану и его вольных слуг. Сам автор подводится чуть ли не под мессианский образ сбережения и донесения Евангелия до советских людей в условиях воинствующего даже не безбожия, а богоборчества, глумления над Церковью и заграждения ее уст. Данное понимание автора «Мастера и Маргариты» и самого его произведения в значительной мере заняло толковательные вершины в литературоведении. И здесь к нам возвращается духовный фон романа Булгакова — причем в соединяющихся планах духовного фона его собственной личности и эпохи.

Начать следует с последней. 1920-е годы, от которых отталкивался роман М. Булгакова, — время не только коммунистической диктатуры и установления идейной монополии марксизма-ленинизма, но и больших и еще далеко не разгаданных духовно-политических загадок происходившего вплоть до окончательного утверждения власти Иосифа Сталина. Большевицкая власть поставила вне закона Православную Церковь и все служившие ее опорой сословия — священство, монашество, княжеские роды, дворянство, казачество, купечество, черносотенное крестьянство и рабочие. Но она отнюдь не поставила вне закона многочисленные интеллигентские сообщества, которые с дореволюционного времени увлекались оккультизмом, а также были связаны с тайными антихристианскими союзами-орденами во главе с масонством.

Михаил Булгаков происходил из священническо-ученой православной среды, которая как раз противостояла этим течениям. В частности, отец Михаила Булгакова серьезно изучал масонство и посвятил ему брошюру «Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству». В ней он писал: «Франкмасонство есть самый опасный заговор против общества, секта убийц, действующих с помощью космополитического еврейства и конспиративного протестантизма» [3, с. 3].

Сам писатель находился в духовном поиске, но, к сожалению, верующим воцерковленным христианином он не стал (во всяком случае до смертного одра), хотя и рефлексивно обращался в обиходе к Богу в слу-

чаях земных нужд и скорбей. Более того, судя по всему, масонство, напротив, стало для него духовно близким. При этом, что очень важно, он прямо заявлял о своем неприятии советской власти, атеизма и материализма и одновременно говорил о себе как о «мистическом писателе», то есть, был идейно-классовым врагом «нового общества». И однако же его не только не постигала кара карательных органов, но ему даже разрешено было вести свой труд над романом и ставить свои труды в виде пьес на сцене ведущего московского театра. Здесь следует отметить, что до начала политических процессов, известных как «сталинские репрессии», влияние оккультных взглядов и настроений среди правящей большевистской элиты, скрывавшихся под маской материалистов, было значительным.

Таким образом, мы подходим к четвертому и самому глубокому уровню понимания романа «Мастера и Маргарита»: тому уровню, на котором сам писатель скрывается под личиной героя собственного произведения, являющегося безымянным и носящим лишь высший титул базовых степеней масонства. Или, если взглянуть через обратную перспективу, — Мастер оказывается автором не только романа о Понтии Пилате, изображенным тамплиером (в белом плаще с красным подбоем), действительно возникших в Иерусалиме, однако тысячелетие спустя, но и самого романа «Мастер и Маргарита».

А если помнить, что соавтором, причем первым, романа в романе общепризнан сатана Воланд, то совершенно справедливо предположить, что не художественный, а подлинный Мефистофель является и главным соавтором романа «Мастер и Маргарита». Тем более что подобная история имела место и в случае с предшественником М. Булгакова и прототипом его романа — «Фаустом» И. Гете. Согласно известному философу Н. К. Гаврюшину, зеркальным взаимным отражением первых букв имен Мастера и Воланда (Woland) писатель сознательно устанавливает между тем онтологическую связь протагонистов [4, с. 87].

Железное доказательство этого утверждения не является тайной за семью печатями и даже несколько странно в своем упущении сторонниками положительной характеристики мышления М. Булгакова: роман заканчивается появлением тех же самых Левия Матфея, Иешуа Га-Ноцри, которые сохраняют такой же клеветнический образ евангельских лиц, как и в рукописях Мастера. Сам верховный демон (главный герой романа) не лишается своей несомненной поверхностной привлекательности из основной части романа. Более того, он кощунственно обретает свойства повелевать святым, надменно и безнаказанно унижать Небо, демонстрировать свою независимость от Бога и право творить суд. Приговоры же, выносимые им коллективно Пилату, Мастеру и Маргарите, совер-

шенно не соответствуют христианским понятиям, согласно которым они с их описанными в романе же деяниями и духовным состоянием, должны низвергнуться в бездну еще перед свитой Воланда.

Между тем, как бы критики ни доказывали несомненную порочность поведения Воланда и его свиты, а также Мастера и Маргариты, несомненно, им придана особая темная обаятельность и притягательность, укрывающая тот подлинный духовный мрак, в котором они не могли не пребывать, и которая и должна от них отталкивать. И на самом деле, на практике роман «Мастер и Маргарита» оставляет у большинства своих читателей, а экранизация у зрителей (особенно молодых), прелестно-притягательный отпечаток, а главное — восприятие самих евангельских событий не через текст Библии, а сквозь призму двойного романа Булгакова, — подобно распространившимся и лихо воспринимавшимся в том же СССР «Забавной Библии» и «Забавному евангелию» сатаниста Лео Таксила, который был доведен иезуитами в их монастыре до ненависти к Христианству, впоследствии демонстративно вернулся в католицизм, где разоблачал масонство, а потом демонстративно же разоблачил свои лицемерные разоблачение и обращение в католицизм, хотя, несомненно, ложным было как раз само разоблачение якобы ложного разоблачения. Подобную игру зеркал представляет собою и роман «Мастер и Маргарита».

Характерно, что и дерзко отстаивавший ложного разоблачителя Воланда бывший дьякон Кураев в своей упомянутой критике-апологии «Мастера и Маргариты» позволил себе откровенно уничижительный выпад в сторону Церкви: «Почему из всех евангелистов выбран только один и именно Левий Матвей? Этот выбор как раз показывает, что перед нами не историческая „реконструкция“. Библейская критика ко времени написания Булгаковым романа уже единодушно считала, что первым евангелистом был все же Марк, и другие синоптические Евангелия (в том числе и Евангелие от Матвея) опирались на него. Церковная же традиция полагает, что первым евангелистом был все же Матфей. Поскольку Воланд ведет войну с церковными христианами, а не с учеными, поэтому в его антиевангелии должен быть пародирован именно Матфей» [1, с. 51].

Тем не менее, решительное наложение клейма сознательного духовного диверсанта на Михаила Булгакова следует признать неблагоприятным. Весьма многие талантливые представители русской творческой интеллигенции той эпохи оказались в плену унаследованных духовных болезней, главной из которых была ложная гуманистическая вера в человека, признававшая за ним в его независимом самостоянии и греховном со-

стоянии могущество постижения мира — притом не только видимого, но и невидимого.

Выросшее из этой веры религиозное искательство русской интеллигенции, стремившейся не покорить свой ум Церкви, но подвергнуть ее критике и снисходительному поучению, закономерно приводило ее в жесткие ловушки. Притом жертва могла сама вполне не осознавать свое нахождение в такой ловушке. Нередко при этом делалось без злого сознательного умысла и оставляло место для сомнения в себе и возможного покаяния. Биография (в том числе словесная) последних лет знаменитого русского писателя, к которому относилось и завершение романа, указывает на признаки такой искренней самокритики, недоступной тем, кто осознанно присягнул злу.

Библиографические ссылки

1. *Кураев А. В.* Мастер и Маргарита: за Христа или против? М. : Проспект, 2023.
2. *Дунаев М. М.* О романе М. А. Булгакова Мастер и Маргарита. М. : Изд-во «Святая гора», 2005.
3. *Булгаков А. И.* Современное франкмасонство. Опыт характеристики. Киев, 1903.
4. *Гаврюшин Н.* Литостротон, или Мастер без Маргариты // Вопросы литературы. 1991. №8. С. 75–88.